

Игорь Ушпаров

Helge Blakkisrud and Pål Kolstø, eds. Political Legitimacy and Traditional Values in Putin's Russia. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2025. 328 pp. ISBN 9781399539005.

*Игорь Ушпаров, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия. igor.ushparov@mail.ru.*

Анализ взаимоотношений между культурно-ценностными ориентирами и легитимностью политической власти в России представляет собой актуальную тему. Рецензируемая книга отражает не только академический интерес ее составителей, но отвечает на значимые вопросы о природе консервативного поворота в России, наблюдаемого в период правления Владимира Путина. Авторы сборника предлагают рассмотреть эту проблему через инструментализацию традиционных ценностей, которые наполняются различными смыслами и используются для оправдания выбранного политического курса. Изменения, происходящие во внутренней и внешней политике страны, находят свое отражение в механизмах консолидации российского общества вокруг консервативных антизападных настроений, поддерживаемых политической элитой. Отличительная черта сборника заключается в том, что его авторы ставят в центр внимания не только анализ содержания традиционных ценностей, но и описание способов по воспроизводству и закреплению их в обществе.

Есть ряд академических работ, посвященных изучению консервативного поворота в России. Исследователи в основном сосредоточились вокруг изменений официального дискурса относительно роли семьи, гендера и идентичности (Novitskaya et al. 2024), измерения восприятия гражданами России консервативных взглядов (Byzov 2018; Shcherbak 2023), анализа роли церкви и других религиозных институтов (Stoeckl 2016) и т. п. Преимуществом рассматриваемой книги является комбинированный подход к анализу использования традиционных ценностей, который заключается в сочетании движения «сверху вниз» (top-down approach), когда непосредственно видна роль политической элиты в производстве ценностей, и «снизу вверх» (bottom-up approach), когда можно оценить реальную поддержку среди населения (с. 23). Как справедливо отмечают авторы сборника, такой взгляд, в отличие от предыдущих попыток, позволяет точнее определить связь между традиционными ценностями и стратегиями по повышению легитимности власти в России (с. 22).

В книге представлены работы признанных специалистов из разных областей социальных наук. Хельге Блаккисруд и Пол Колстё смогли выстроить междисциплинарный диалог и предложили широкую перспективу для решения серьезной методологической задачи, смысл которой заключался в формировании новой рамки изучения легитимности, основанной на ценностях (value-based legitimacy). По мнению составителей сборника, такая форма легитимности является стратегическим решением власти для поиска новых способов оправдания решений «сверху», а также для закрепления веры общества в выбранный политический курс (с. 20).

Одна из сильных сторон монографии заключается в том, что книга органично вписывается в существующую традицию понимания ключевых концептов. В работе легитимность принимает форму политической поддержки, основанной на общих представлениях граждан о благе и моральных ориентирах (с. 21). Авторы монографии предлагают читателю новый ракурс и дают ответы на вопрос о связи культуры, истории и политики. Легитимность является важным и хорошо изученным источником для эффективного функционирования и выживаемости политической системы. Тем не менее в последнее время из-за усиления правых сил в Европе и США исследователи все больше внимания уделяют проблеме легитимности, основанной на новых способах ее достижения через конструирование ценностных установок.

В книге Блакисруд и Колстё предлагают разобрать ее на трех ключевых уровнях. Первый уровень посвящен изучению дискурса и публичных взаимодействий власти с конструированием смыслов вокруг традиционных ценностей (главы 1, 6–8). На втором уровне исследователи концентрируют внимание вокруг отдельных публичных фигур, представителей крупного бизнеса и Русской православной церкви (главы 3–5). По мнению авторов сборника, акторы и институты, которые не входят напрямую в политическую элиту, на самом деле могут выступать ее посредниками. Они гарантируют лояльность и вкладывают экономические, социальные и символические ресурсы в политический режим, несмотря на большой риск срыва подобной сделки. Для решения поставленной задачи невозможно обойти стороной разбор низового уровня (*grassroots*), который отражает степень восприятия традиционных ценностей гражданами России. Поэтому предлагаемый авторами сборника третий уровень анализа является попыткой ответить на вопрос об эффективности их использования в организации массовой поддержки (глава 2) или для победы на выборах (глава 9). Тематические блоки выстроены согласно предложенной методологии исследования, однако в монографии исследователи в основном сосредоточены на первых двух уровнях, в то время как оценка восприятия гражданами частично рассматривается во второй и девятой главах.

При всей ценности тех наблюдений, которые обнаружили авторы сборника, было бы не совсем корректно полагать, что описанный ими процесс использования ценностей для легитимизации власти уникален для России (с. 20). В других странах акторы также включают в свои политические программы нарративы, связанные с возрождением национального мифа, сохранением верности традициям и обычаям (Курилла 2023). Особенно заметно это стало проявляться на фоне кризиса идентичности в Европе, когда различные акторы применяют инструменты символической политики для того, чтобы утвердить в обществе определенные взгляды. Более того, когда правый популизм охватил множество демократических стран, «битва за прошлое» стала новой формой конкуренции за наполнение исторической памяти в публичном пространстве (Couperus et al. 2023). В этой связи консервативные группы настаивают на сохранении в культурном коде страны «традиционных», «национальных» и других ценностей. Они выступают гарантом безопасности национальной идентичности, которую необходимо защитить от враждебных сил и чуждых обществ.

ву взглядов. Российский случай здесь является не уникальным (а скорее типичным) и позволяет обобщить знания о механизмах конструирования этого основанного на культурных установках типа легитимности.

Эмпирическую базу монографии составляют общенациональные опросные данные, самостоятельно собранные авторами сборника в период до весны 2021 года. Размер выборки составляет 1500 респондентов, но исследователи решили дополнить ее, включив по 600 респондентов из Архангельска, Кемерово, Москвы, Рязани и Санкт-Петербурга, а также провели отдельный опрос в Республике Башкортостан. Как отмечают авторы, данная выборка отражает существующие различия в демографических и социальных характеристиках населения (с. 34). Используемые опросные данные отражают ценностные установки российского общества накануне проведения специальной военной операции и не учитывают возможную динамику и изменения в новых условиях. Однако полученная картина общественных настроений, на мой взгляд, позволяет проследить динамику консервативного поворота в России. Помимо опросных данных авторы обращались к открытым и общедоступным источникам в интернете, официальным документам, публичным выступлениям, другим научным исследованиям.

Книга состоит из введения, девяти глав, в которых предпринят анализ конструирования и восприятия традиционных ценностей, а также приложения. Пересказ содержания сборника – трудная задача, читателю будет интересно самостоятельно погрузиться в текст, однако я хотел бы обратить внимание на несколько важных замечаний, которые составляют основной научный вклад.

Главный тезис книги заключается в утверждении, что традиционные ценности поддаются манипуляциям со стороны политической элиты и тех, кто имеет доступ к различным символическим ресурсам. При этом обществу довольно трудно определить, из чего состоят эти ценности, поскольку большая часть населения России пережила распад СССР и продолжительное время живет в состоянии идеологического вакуума (глава 1). Гури Тильдум (Guri Tyldum) и Пол Колстё (Pål Kolstø) предполагают, что после 1990-х годов власть была намерена решить этот вопрос и представить свой вариант ценностного мировоззрения россиян. Она предложила набор смысловых конструкций, который включал в себя разные измерения консерватизма: «семья», «ортодоксальность и православие», «мораль», «вера в авторитаризм и сильное государство», «безопасность, патриотизм и порядок» и другие (с. 48, 74). Подобная ценностная неопределенность дала сильный толчок последующим манипуляциям и появлению новых способов влияния на общественное сознание. Например, в статье Торы Берге Натерстад (Tora Berge Naterstad) и Хельги Блаккисруд (Helge Blakkisrud) обсуждается концепт «здорового консерватизма», который в период политической нестабильности и потрясений наполняется нужными для элиты смыслами, что позволяет эффективно мобилизовать поддержку и обосновать принятые политические решения (с. 231). После событий на Болотной площади помимо стремления к экономической стабильности консерватизм стал включать в себя идею защиты суверенитета России от радикальных, революционных и экстремистских сил, которые мешают стране идти своим особым путем (с. 232).

Российское общество неоднородно и состоит из разных социальных групп, отличающихся друг от друга идеологически и ценностно. Методологически определить границы между ними несложно, однако на практике мы сталкиваемся с тем, что понимание разными группами смысла понятия «традиционные ценности» может быть схожим при одних условиях и резко различаться при других (глава 1). Опираясь на проведенные опросы, авторы полагают, что в России проживает 13% населения, которые не придерживаются ни строго либеральных взглядов, ни консервативно-авторитарных (с. 69). Такое состояние аномии представляет особый научный интерес и нуждается в дальнейших исследованиях.

Авторы также прибегают к анализу эффективности использования традиционных ценностей для формирования предпочтений граждан. Так, Анна Декальчук (Anna Dekalchuk), Иван Григорьев (Ivan Grigoriev) и Регина Смит (Regina Smyth) в своей главе показывают сложность оценки влияния разного типа социального консерватизма на активность и желание граждан участвовать как в правительственных, так и в оппозиционных акциях. Генри Хейл (Henry Hale) выявил, что консервативные ценности не являются определяющим фактором, способным серьезно повлиять на итоги выборов и привлечь новых сторонников. Эффективность в их использовании имеет значение лишь для усиления поддержки среди консервативных граждан, которые и без этого доверяют власти, однако они почти никак не влияют на электоральные настроения остальных (глава 9).

Традиционные ценности также играют особую роль в построении современной российской идентичности. Натерстад и Блакисруд утверждают, что в нее входят большинство из перечисленных выше традиционных измерений консерватизма (с. 241). При этом идентичность активно формируется за счет поиска внешнего врага, где Запад представлен как нарушитель международного порядка, посягающий на целостность России. Власть пытается убедить население страны, что Россия защищает принципы Вестфальской системы и готова обороняться от агрессии Запада и эрозии культуры (с. 244). Ольга Малинова (Olga Malinova) убедительно показывает эту логику, обращаясь к коллективной памяти, которая обосновывает ценности через их историческую преемственность. «Патриотизм», «национальное единство», «суверенитет» являются ключевыми понятиями, с которыми работает власть во время организации ежегодных коммеморативных мероприятий, посвященных Великой Отечественной войне и иным историческим событиям, создавая сложную и эклектичную структуру нарратива (глава 8).

Авторы сборника утверждают, что в России есть конкуренция различных политических и общественных сил за наполнение традиционных ценностей разными смыслами, однако предложенные исследования показывают, что с укреплением режима возможностей для оспаривания нарратива становится меньше. В этом контексте лучше говорить не о конкуренции (борьбе политических и общественных сил), а о расширении понятия «традиционные ценности». Это хорошо показано на примере роли публичных фигур и Русской православной церкви в производстве и закреплении разнообразных взглядов в публичном пространстве. В частности, Константин Малофеев, выступая как индивидуальный предприниматель, сочетает идеи о возрождении монархии в России со строгим моральным кон-

серватизмом и традиционным взглядом на семейные взаимоотношения. Он инвестирует в консервативный поворот, надеясь на улучшение собственного политического и экономического статуса. В главах 4 и 5 показано, что государство на протяжении истории регулярно обращалось к церкви для объединения людей в период политической или социальной нестабильности, в том числе и после событий 2022 года (с. 185). Так, Михаил Суслов (Mikhail Suslov) отмечает, что Русская православная церковь выполняет инструментальную функцию для Кремля, обосновывая концепт «необходимой войны» для оправдания постоянно меняющегося политического ландшафта (с. 138). Божидар Колов (Bojidar Kolov) считает, что в центре нарратива, транслируемого патриархом Кириллом, стоит защита «русского мира» и идея об исторической миссии России в борьбе с западной культурой. Церковь является дополнительным источником легитимности нынешней российской власти и выступает агентом пропаганды моральных и антизападных ценностей (с. 185). Таким образом, рассмотрение роли церкви как участника производства традиционных ценностей – интересный способ продемонстрировать символическую власть в утверждении культурных представлений. Авторы обходят стороной анализ реакции прихожан и служителей церкви на дискурсивные и поведенческие изменения Русской православной церкви. Изучение внутренних разногласий, о которых упоминают авторы, позволило бы лучше отразить борьбу за доминирование в официальном дискурсе.

Необычный взгляд на проблему легитимности предложен в статье Андрея Макарычева (Andrey Makarychev). Обращаясь к биополитике, автор объясняет, что в период пандемии коронавируса политический режим усилил контроль над населением и решил вопрос, связанный с безопасностью власти (с. 195). После пандемии власть продолжает использовать ограничительные меры, которые были выработаны еще в период борьбы с COVID-19, чтобы усиливать контроль и готовить граждан к последующим институциональным ограничениям политического и гражданского участия оппозиции (с. 215–216).

Таким образом, природу консервативного поворота в России авторы сборника объясняют не через преемственность культуры и истории, а через конкретизацию действий акторов и институтов. Элита как социальная группа воспринимает традиционные ценности в качестве инструмента для усиления режима, повышения контроля над населением и определения идентичности (с. 54). Книга, таким образом, позволяет по-новому взглянуть на проблему политической легитимности в России и, в отличие от других работ, представляет более полную и связанную картину, в которой учитываются если не все, то большинство аспектов.

Как было отмечено выше, сборник посвящен анализу случая России, однако сейчас консервативный поворот наблюдается во многих других странах мира. Сравнительная перспектива, которая позволила бы сопоставить и проанализировать одновременно несколько случаев, могла бы указать на то, насколько уникален российский вариант и какие тенденции из опыта других стран следует учесть при его изучении. Более того, предложенный авторами способ исследования ценностных установок подходит для детального погружения в региональный контекст. Местные особенности политического управления и социально-культурных

характеристик общества предоставляют новые возможности для выявления уникальных способов влияния на общественное сознание. На мой взгляд, в последующих работах было бы продуктивно рассмотреть отдельную роль медиапространства. Социальные сети и мессенджеры активно используются для того, чтобы распространить и утвердить ценностные рамки. Медиа выступают не просто пассивным каналом передачи контента «сверху» – они могут являться самостоятельным игроком с собственной повесткой. Визуальное оформление традиционных ценностей в цифровом пространстве может стать полноценным новым направлением в данной области знаний. Я рекомендую внимательно прочитать эту книгу политологам, социологам и тем, кто заинтересован в изучении механизмов использования ценностей в политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Курилла, Иван. 2023. *Битва за прошлое: как политика меняет историю*. М.: Альпина Пабlisher.
- Byzov, Leontiy. 2018. "Conservative Trends in Contemporary Russian Society: Origins, Content, and Prospects." *Russian Social Science Review* 59(1):39–58. <https://doi.org/10.1080/10610154.2017.1338395>.
- Couperus, Stefan, Pier Domenico Tortola, and Lars Rensmann. 2023. "Memory Politics of the Far Right in Europe." *European Politics and Society* 24(4):435–444. <https://doi.org/10.1080/23745118.2022.2058757>.
- Novitskaya, Alexandra, Valerie Sperling, Lisa McIntosh Sundstrom, and Janet Elise Johnson. 2024. "Unpacking 'Traditional Values' in Russia's Conservative Turn: Gender, Sexuality and the Soviet Legacy." *Europe-Asia Studies* 76(2):173–197. <https://doi.org/10.1080/09668136.2023.2215484>.
- Shcherbak, Andrey. 2023. "Russia's 'Conservative Turn' After 2012: Evidence from the European Social Survey." *East European Politics* 39(2):194–219. <https://doi.org/10.1080/21599165.2022.2084077>.
- Stoeckl, Kristina. 2016. "The Russian Orthodox Church as Moral Norm Entrepreneur." *Religion, State, and Society* 44(2):132–151. <https://doi.org/10.1080/09637494.2016.1194010>.